

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147>

Научная статья / Research Article

Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран

К.С. Мусина✉

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация
✉camillamusina2015@mail.ru

Аннотация. Анализируется зарубежный опыт правоведов в идентификации правосубъектности искусственного интеллекта (*artificial intelligence, intellect*). По мере того, как системы искусственного интеллекта (ИИ) становятся все более совершенными и играют все большую роль в обществе, аргументы в пользу того, что они должны обладать той или иной формой правосубъектности, приобретают все большее значение и актуальность. Подвергнуты анализу тенденции нововведений и инноваций в практике правоприменения. Рассмотрены теоретические аспекты установления общих положений об уголовной ответственности за преступления, совершенные по причине технических сбоев искусственного интеллекта робота без наличия антропогенного влияния, вмешательства и целенаправленного участия. Изложены результаты компаративистского анализа законодательства, регулирующего *artificial intelligence* в ряде зарубежных стран. Кроме того, в статье изложены итоги ретроспективного анализа некоторых наиболее значимых исторических периодов модернизации правового регулирования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: блокчейн, робототехника, антропогенный фактор, IT-технологии, кибернетический организм, юридическое лицо, физическое лицо

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 15 февраля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2023 г.

Для цитирования:

Мусина К.С. Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 1. С. 135—147. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147>

© Мусина К.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Theoretical aspects of identifying legal personality of artificial intelligence: cross-national analysis of the laws of foreign countries

Kamilla S. Musina✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

✉camillamusina2015@mail.ru

Abstract. Research analyzes the issues of determining the legal status of artificial intellect. As artificial intellect (AI) systems become more sophisticated and play an increasingly important role in society, the arguments that they should have some form of legal personality are becoming increasingly relevant. The research argues that most legal systems could create a new category of legal persons. The issues of innovative trends in law enforcement practice are also in the focus as well as the issues of establishing general provisions on liability for criminal acts committed due to technical failures of artificial intelligence without the presence of anthropogenic participation and intervention. The article presents the results of the relevance of philosophical-legal and ontological analysis not only to a state, but also to the prospective future modifications of artificial intelligence. It outlines the results of a comparative analysis of the laws regulating artificial intelligence in a number of foreign countries along with the results of a retrospective analysis of some historical stages in the development of legal regulation of artificial intelligence.

Key words: blockchain, robotics, lack of human factor, IT-technologies, cyborg, legal personality, natural person

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 15th February 2022

Article accepted 15th January 2023

For citation:

Musina, K.S. (2023) Theoretical aspects of identifying legal personality of artificial intelligence: cross-national analysis of the laws of foreign countries. *RUDN Journal of Law*. 27 (1), 135—147. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147>

Введение

На сегодняшний день научно-технический прогресс достиг результативных высот. Однако многие представители юридической науки не всегда своевременно поспевают за техническим прогрессом, решая вопросы осуществления правовой регламентации намного позже, чем требуется в современном мире инновационной робототехники. В виду этого чрезмерно быстрое развитие роботизации влечет появление пробелов в законодательстве. Наиболее актуален вопрос определения субъекта ответственности за деяния искусственного интеллекта (*далее — ИИ, artificial intelligence*). Расценивать робота в качестве самостоятельного субъекта права целесообразно лишь при соблюдении условия сохранения определенной степени автономности. В Резолюции¹ изложены юридические аспекты проблемы роботизации. Автономность интерпретируется как

¹ Official Journal of the European Union, European Parliament resolution of 16 February 2017 // 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&from=EN> (accessed: 06.07.2022).

способность робота принимать решения и реализовывать их самостоятельно, в том числе без внешнего антропогенного контроля со стороны человека либо умышленного воздействия. Однако данная способность является технической характеристикой «электронного лица» и зависит от качества программирования и талантливости программиста. Благодаря развитию функционала «электронные лица» способны действовать автономно и принимать квазинезависимые решения. Возможно, в данном случае было бы целесообразно определять правовой статус робота в зависимости от степени его самостоятельности. На протяжении десятилетий машины автономно создавали произведения, которые традиционно подлежали охране авторским правом и патентной защите. При этом необходимы гарантии, что человек сможет в любой момент проконтролировать и при необходимости вмешаться в процесс деятельности роботов с искусственным разумом, влияя на их решения в целях предотвращения преступлений в случае возникновения технического сбоя. Кроме того, Резолюцией Европейского парламента был закреплён принцип прозрачности, согласно которому каждое принятое роботом решение должно быть рациональным и доступным для человека. В современной юридической науке правоведами ведутся дискуссии о правосубъектности искусственного разума, о целесообразности причислить робота к юридическим лицам или к аналогам, близким по образу и подобию к корпорациям. Актуальность решения проблем правового регулирования и определения правосубъектности искусственного разума робота весьма высока, в связи со стремительным развитием робототехники, которое является приоритетным направлением политики ряда развитых стран. Технологии искусственного интеллекта являются наиболее перспективной, потенциально применимой в силу востребованности во многих сферах общественных отношений и активно эксплуатируются в ряде сфер компьютерных или киберфизических систем с антропоморфным (человекоподобным) «интеллектом» (*англ.* — *artificial intelligence*). Стремительное распространение *AI*, *IT* разработок вызывает необходимость решения задач о законодательном регламентировании и закреплении положений, связанных с идентификацией робота в качестве полноправного участника т.е. субъекта правоотношений, наделенного правами и обязанностями с детализацией правосубъектности робота.

Актуален также вопрос насколько механическое беспристрастное «электронное лицо» способно дать справедливую оценку элементам предмета доказывания при расследовании уголовных преступлений и объективно идентифицировать, распознавать субъектов противоправных деяний². Так, элемент субъективной стороны состава преступления — форма вины — необходим для разграничения деяний, сходных по объекту, влияет на определение вида наказания, индивидуализируя, а в совокупности со степенью общественной опасности служит критерием классификации преступлений. Форма вины влияет на назначение и выбор вида исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы, умышленная форма вины влияет на признание рецидива,

² Turner J. (2019) Robot Rules: Regulation of Artificial Intelligence, 193. Available at: <https://www.law.kuleuven.be/citip/en/docs/hot-news/j-turner-robot-rules-regulating-artificial.pdf> (accessed: 30.08.2022).

за случайное причинение вреда при отсутствии вины лица оно не должно нести уголовную ответственность. Вышеперечисленное известно нам из теории уголовного права, однако в случаях, когда преступление совершено по причине технического сбоя и выхода из строя робота (искусственного интеллекта), обнаруживаются несовершенства действующего законодательства и возникает множество проблем в практике правоприменения (Rasaeva, 2019). Среди правоведов дискуссии актуальных вопросов о перспективе внедрения судей-роботов сводятся к тому, что игнорирование факторов, из-за которых робот не может предоставить правильной правовой оценки преступному деянию, предположительно будет приводить в результате к вынесению заведомо ошибочного несправедливого судебного приговора, впоследствии может быть осужден невиновный человек.

Правосубъектность искусственного интеллекта: анализ опыта зарубежных стран

Концепт правосубъектности робота «электронного лица» на сегодняшний день гибриден, поскольку, интегрируя, вбирает в себя, перенимая некоторые ключевые элементы существующих составляющих правосубъектности физических лиц, но в большей степени юридических, не утрачивается при этом самостоятельность и эксклюзивность носителя прав и обязанностей.

В Японии создание так называемой системы «Токку зон» предоставило производителям роботов право проводить испытания беспилотников на дорогах общего пользования. Подобный подход весьма актуален и целесообразен, поскольку с каждым годом *artificial intelligence* всё более интенсивно внедряется практически во все сферы жизни представителей современного социума.

Кроме того, в условиях пандемии смертельно опасной Коронавирусной инфекции *Covid 19* экономическая стабильность пошатнулась. Законодательство в зарубежных странах и на территории нашего государства властями экстренно было подвержено трансформации путем введения штрафных санкций к нарушителям самоизоляции, в выявлении которых в ближайшем будущем все более интенсивно будет вовлекаться робототехника (квадрокоптеры, дроны, оснащенные функцией видеонаблюдения и т.д. с сопровождением видеofиксации), продолжают сохранять актуальность несмотря на снятие карантинных ограничений в марте 2022 г.

Исходя из вышеназванных положений, можно справедливо заключить, что определять стратегию следует, создавая законодательные новеллы, избирая пути реформирования и трансформации действующего законодательства, исходя из экономической рентабельности. В свою очередь является целесообразным и актуальным для восстановления нарушаемых ИИ прав и свобод человека, защиты результатов интеллектуального труда и прав собственности, а также возмещения материального ущерба при совершении преступных деяний роботом.

Алан Тьюринг признан героем за раскодировку во время Второй мировой войны, создал дисциплину компьютерных наук, заложив основы того, что мы сейчас называем искусственным интеллектом (Turing, 1950). Однако одним из

наиболее известных вкладов является одноименный тест на то, когда на самом деле был достигнут истинный «интеллект». А. Тьюринг смоделировал его по образцу салонной игры, популярной в 1950 году. Принцип теста заключается в том, что мужчина и женщина сидят в отдельной комнате и дают письменные ответы на вопросы, остальные участники должны угадать, кто как ответил, А. Тьюринг предположил, что в подобную «имитационную игру» можно играть и с компьютером. Когда машина могла ввести в заблуждение людей, заставив их поверить, что она человек, мы могли бы обоснованно интерпретировать, что она разумна (Turing, 1950).

Первые научные успехи в данном направлении были достигнуты в шестидесятых годах XX века с такими программами, как *Eliza* (далее — *Элиза*). Суть программы заключалась в том, что пользователям сказали, что Элиза психотерапевт, которая общалась с помощью слов, введенных в компьютер. На самом деле «она» была алгоритмом, использующим простой язык обработки списков. После аналитики и изучения, по какому алгоритму *Элиза* работает, некоторые пользователи продолжали доказывать, что Элиза «поняла» их (Wallace, 2009). В течение нескольких десятилетий тест А. Тьюринга был связан с актуальным вопросом о том, имеет ли место инновационный феномен *artificial Intellect* как таковой, а не с правовым статусом подобного субъекта. Тем не менее, на него обычно ссылаются при обсуждении правосубъектности *AI*, начиная с основополагающей статьи Л. Солума 1992 года и далее (Solum, 1992). Хотя тест А. Тьюринга больше не рассматривается как серьезная мера современного *AI* в кибертехническом смысле, имеет место быть напряженность в дискуссиях о личности, которую часто упускают из виду. По мере того, как системы искусственного интеллекта становятся все более совершенными и играют все большую роль в обществе, существуют по крайней мере две отдельные причины, по которым они могут быть признаны дееспособными в соответствии с буквой закона. Первая заключается в том, чтобы было кого обвинить в преступлении. Это представлено как ответ на потенциальные пробелы в подотчетности, создаваемые их скоростью, автономией и непрозрачностью. Однако вторая причина в целесообразности признавать правосубъектность *AI* (ботов, дронов, беспилотных транспортных средств и т.д.) заключается в том, чтобы убедиться, что есть кто-то, с кого можно правомерным путем возместить ущерб потерпевшей стороне. Например, в растущем объеме литературы рассматривается право на интеллектуальную собственность, созданную системами *AI*. Напряженность в этих дискуссиях заключается в том, предоставляется ли индивидуальность по инструментальным или внутренним причинам. Аргументы, как правило, формулируются в инструментальных терминах чаще, чем по сравнению с наиболее распространенным искусственным юридическим лицом, к примеру, с корпорацией. Тем не менее, во многих из аргументов явно выражена в иллюстрациях и примерах идея о том, что по мере того, как системы искусственного интеллекта приближаются к точке бифуркации, все более становятся неотличимыми от людей. При прохождении теста А. Тьюринга должно сохраняться специальное право на статус, сопоставимый с юридическим статусом, которым обладают физические лица. Подобные аргументы были весьма спекулятивными, однако в 2017 году в Саудовской

Аравии власти гуманоидному роботу по имени *Sophi* (далее — *София*) предоставили гражданство (Gabov & Khavanova, 2018). Электронной *online*-системе с идентичностью семилетнего мальчика была предоставлена «резиденция» в Токио³. София, например, по сути является чат-ботом с лицом⁴. В том же году, однако, Европейский парламент принял резолюцию, призывающую его Комиссию рассмотреть вопрос о создании особого правового статуса роботов в долгосрочной перспективе, в целях, чтобы самые сложные автономные роботы могли получить статус электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, и, возможно, привлечение к ответственности электронной личности в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом взаимодействуют с третьими сторонами независимо⁵.

Научный поиск усиливался и концентрировался на одной из наиболее актуальных проблем, которая заключается в нахождении ответа на вопрос, что заполнит ли какая-либо форма юридического лица пробел в процессе привлечения к уголовной ответственности или будет иным образом выгодна и рентабельна правовой системе государств с подробным правовым регламентированием механизма взыскания средств для возмещения потерпевшей стороне в денежном эквиваленте. Основываясь на истории корпораций и искусственных юридических лиц, заключить большинство правовых систем могли бы предоставить системам искусственного интеллекта форму личности. Более актуальные вопросы заключаются в том, что должны осуществлять электронные лица и каким содержанием программного современного обеспечения целесообразно наделять роботов.

Целесообразно выявить аналогии с физическими лицами абсолютно логично, что робот никогда не сможет быть естественным человеком. Однако на протяжении веков рабы и женщины также не признавались полноценными личностями. Если подвести тест Тьюринга к логическому выводу «Бегущий по лезвию», то вполне возможно, что системы искусственного интеллекта, действительно неотличимые от людей, однажды могут претендовать на свой регламентированный в законодательстве статус. Хотя споры о правах роботов в настоящее время ограничены на периферии дискурса аргументов больше в пользу систем *artificial intelligence*, владеющих интеллектуальной собственностью, создаваемой ими. Более того, если скрупулезнее отнестись к идее о том, что роботы могут приравниваться к людям, можно предположить третье обоснование для размышлений о правосубъектности роботов (*AI*). В виду того, что как только равенство будет достигнуто, нет никаких оснований предполагать, что прогресс в области *Artificial intelligence* на этом остановится.

³ Cuthbertson A. Artificial Intelligence «Boy» Shibuya Mirai Becomes World's First AI Bot to Be Granted Residency. Newsweek. 6 November 2017. Available at: <https://www.newsweek.com/tokyo-residency-artificial-intelligence-boy-shibuya-mirai-702382> (accessed: 10.08.2022).

⁴ Gershgorin D. Inside the Mechanical Brain of the World's First Robot Citizen. Available at: <https://qz.com/1121547/how-smart-is-the-first-robot-citizen/> (accessed: 17.06.2022); Shiller R. Why robots should be taxed if they take people's jobs. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2017/mar/22/robots-tax-bill-gates-income-inequality> (accessed: 17.06.2022).

⁵ European Parliament Resolution with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. 2015/2103(INL), para 59(f). European Parliament, 16 February 2017.

Правосубъектность имеет основополагающее значение для любой системы права. Вопрос о том, кто может действовать и являться субъектом прав и обязанностей, предшествует почти любому другому вопросу (Gadzhiev & Voynikas, 2018). Однако внимательное изучение этих основ обнаруживает удивительную неопределенность и разногласия. Несмотря на это, как заметил Джон Дьюи в 1926 году, «суды и законодатели выполняют свою работу без такого соглашения, как правило без какой-либо детально регламентированной концепции или теории» относительно природы личности (Comin, 2015). Действительно, продолжал он, обращение к теории «не раз приводило к тому, что она скорее препятствовала, чем облегчала решение специального вопроса о праве или обязанности» (Naffine, 2003). На практике подавляющее большинство правовых систем признают две формы юридического лица: физическое и юридическое. Физические лица признаются из-за простого факта того, что они люди⁶. Юридические лица, напротив, являются нечеловеческими образованиями, которым законом предоставлены определенные права и обязанности. Корпорации и другие формы бизнес-ассоциаций являются наиболее распространенными примерами, однако функционируют и многие другие формы. Большинство правовых систем в ряде стран могли бы создать новую категорию юридических лиц, закрепив на законодательном уровне правовой статус кибернетических «электронных организмов».

Религиозные, правительственные и межправительственные организации интерпретируются в качестве юридических лиц на национальном и международном уровнях. Вышеизложенные примеры являются совокупностями человеческих субъектов, однако в ряде фактов подлинно нечеловеческим, неодушевленным и иным составным элементам живой природы присваивается индивидуальность, например, к ним причисляют Храмы в Индии⁷. Кроме того, всю экосистему Эквадора согласно ст. 10 Конституции Республики Эквадор⁸, 12 рек в Новой Зеландии. Данная тенденция последовала после обозначения национального парка «*Те Уревера*» и старта интерпретирования в качестве юридического лица, обладающего всеми правами, полномочиями, обязанностями и ответственностью юридического лица с регламентацией в тексте Закона «*Те Уревера*» 2014 (Новая Зеландия), изложено в разделе XI⁹.

На основании вышеизложенного однозначно справедливо можно заключить в качестве итогового вывода, что государство вправе регламентировать какую-либо индивидуальность в качестве самостоятельной. Целесообразно наделить правами и обязанностями системы искусственного интеллекта. Процедура

⁶ *Shiromani Gurdwara Prabandhak Committee, Amritsar v Shri Somnath Dass AIR 2000 SC 1421. Supreme Court of India.*

⁷ Признание правосубъектности индийского храма в соответствии с английским законодательством. *Bumper Development Corp. v Commissioner of Police for the Metropolis 1991.* Режим доступа: <https://www.studocu.com/en-gb/document/university-of-nottingham/business-law-a/bumper-development-corp-v-commis-of-police/12457965> (дата обращения: 10.08.2022).

⁸ *Constitution of the Republic of Ecuador, Article 10, The Constitution came into force: October 20, 2008, was adopted: September 28, 2008.*

⁹ *Te Awa Tupua. Whanganui River Claims Settlement, New Zealand, Act 2017.*

наделения правовым статусом роботов будет набирать актуальность прогнозируется, массовая реализация во многих государствах мира регламентирования правосубъектности робота с искусственным разумом.

Ретроспективный анализ модернизации законодательного регламентирования правосубъектности искусственного интеллекта

Ученые, праведы и органы по реформированию законодательства уже предложили наделять системы искусственного интеллекта той или иной формой правосубъектности, чтобы помочь решить вопросы степени ответственности, такие как организация автоматизированной системы вождения в случае автомобилей без водителя, поведение которых может не контролироваться их «водителем» либо заблаговременно запрограммировано в соответствии с потребностями производителей или эксплуатирующих их владельцев¹⁰.

Актуальна позиция авторов, утверждающих, что необходимо ввести специальные процедуры для судебных разбирательств над «роботами-преступниками», предусматривающие наказание, реализуемое благодаря перепрограммированию технического устройства («электронного лица») или, в крайних случаях, уничтожения (Ying, 2019).

Вышеизложенные аргументы предполагают ориентированность и акцент на инструментальный подход к личности. Однако научные объяснения наиболее распространенной формы являются показателями несопоставимости обоснования статуса — корпорации — в качестве обособленного юридического лица. «Контрактная» теория, иногда называемая «символической теорией», содержит в себе идею, что корпорация является устройством, созданным в рамках законодательства, позволяющим физическим лицам, объединившимся в группу, отображать в текстах документов организацию при возникновении правовых отношений с другими сторонами. Члены группы могли бы устанавливать индивидуальные договорные отношения с другими сторонами, ограничивающими ответственность и т. д. Однако корпоративная форма наделяет полномочиями совершать юридические действия коллективно по более низкой цене (Coase, 1937). Данная теория подвергалась критике, в связи с этим является наименее применимой к системам *artificial intelligence*.

Фиктивные и концессионные теории корпоративной индивидуальности имеют разные истоки, но сводятся к единому: корпорации обладают индивидуальностью, потому как правовая система содержит регламентирование процедуры по предоставлению ее им. Верховный суд США в 1819 году обратил внимание на то, что корпорация является «искусственным существом», невидимым, неосязаемым и существующим только в соответствии с законом¹¹. Целеустремленность позиции была более очевидна, когда личность — физическое

¹⁰ Changing Driving Laws to Support Automated Vehicles (Policy Paper) (National Transport Commission, May 2018), para 1.5; Automated Vehicles: A Joint Preliminary Consultation Paper (Law Commission, Consultation Paper No. 240; Scottish Law Commission, Discussion Paper No 166, 2018). Available at: <https://www.ntc.gov.au/transport-reform/ntc-projects/changing-driving-laws-support-AVs> (accessed: 02.06.2022).

¹¹ Trustees of Dartmouth Coll. v. Woodward, 17 U.S. 518 (1819). Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/17/518/> (accessed: 03.07.2022).

лицо реализовывало дееспособность строго в соответствии с регламентацией Уставом и законодательством в дальнейшем в течение двадцатого века данные подходы преобразовались всего лишь в простую формальность (Lvov, Grebennikov & Yerzncyuan, 2000; David, 2003; Bayern, 2015).

Вышеизложенные позитивистские объяснения наиболее тесно согласуются с законодательной и судебной практикой в области признания личности в качестве абсолютно дееспособной и могут быть распространены в том числе и на системы искусственного интеллекта. Реалистическая теория, напротив, утверждает, что корпорации не являются ни фикциями, ни простыми символами, а объективной реальностью.

Зарубежными философами утверждается позиция, что корпорации являются не только юридическими, но и моральными лицами (Peter, 1979). Данная теория, как правило, более предпочтительна теоретикам и социологам, чем законодателям и судьям, но перекликается с напряженностью: правосубъектность не просто даруется, но и обосновывается путем завоевания (Iwai, 1999). Однако на практике фактическое признание в качестве дееспособного лица в рамках закона остается под юрисдикцией государства. Конечным результатом, возможно, является то, что Дьюи был прав столетие назад: «личность» является таковой, поскольку закон обязывает ее обозначать личностью». Хотя вопрос о личности является бинарным, однако — признанным или нет — содержание этого статуса представляет собой спектр. Оставляя на данный момент в стороне идею о том, что система искусственного интеллекта может заслуживать признания как личность. Решение государства о предоставлении правоспособности должно основываться на правах и обязанностях, которые также будут признаны с дальнейшим разграничением юрисдикции, которую необходимо будет регламентировать и закрепить на законодательном уровне. Правосубъектность влечет за собой наделение правами и обязанностями, однако они не обязательно должны быть идентичными для всех лиц в рамках правовой системы. Даже среди физических лиц: борьба за равные права женщин и мужчин, этнических или религиозных меньшинств и других обездоленных групп отражает данную истину. Целесообразным считается предоставлять только права без обязанностей в некоторых государствах. Как правило, подход к наделению природы индивидуальностью на практике, например, закреплен в Конституции Эквадора¹². Можно было бы утверждать, что такая «личность» — это лишь уловка, чтобы избежать проблем с положением: предоставления людям возможности действовать от имени правообладателя, не являющегося человеком вместо того, чтобы требовать от них установления статуса в своем собственном качестве. В любом случае это кажется неуместным для причин рассмотрения индивидуальности систем искусственного интеллекта. С другой стороны, правосубъектность роботов может быть связана только с обязательствами. Вышеизложенное отчасти является на первый взгляд обоснованным, однако, поскольку исследуемые обязательства предназначены для устранения пробелов в подотчетности, возникнут некоторые очевидные проблемы и дискуссии. В сфере гражданского права ответственность обычно приводит, например,

¹² Constitution of the Republic of Ecuador, Articles 71-74, The Constitution came into force in October 20, 2008, was adopted: September 28, 2008.

к возмещению ущерба, который может быть выплачен только в том случае, если правонарушитель способен владеть имуществом¹³. Можно спрогнозировать сценарии, в которых выплаты по возмещению за причиненный материальный вред в результате технического сбоя робота производились бы из центрального фонда, однако, процедура похожа на режимы обязательного страхования, предлагаемые в качестве альтернативного средства решения вопроса об ответственности, а «Личность» была бы простой формально участвующей стороной (Vasiliev & Ibragimov, 2019).

В случае корпораций личность обычно интерпретируется как анализатор способности подавать в суд и быть судимым, заключать контракты, брать на себя долговые обязательства, владеть собственностью и быть осужденным за преступления. На территории нашего государства данный обширный набор является перечнем юридических фактов и деяний среднестатистического правоспособного физического лица. Относительно прав вопрос о том, в какой степени корпорации пользуются конституционной защитой, сопоставимой с защитой физических лиц, является предметом продолжающихся дискуссий. Хотя Соединенные Штаты предоставили наибольшую защиту корпоративным организациям, более того, было проведено юрисдикционное разграничение в отношении таких гарантий, как право на самообвинение (Trainor, 1994). Как правило, юридические лица будут иметь меньше прав, чем физические. Аналогичная ситуация имеет место в международном праве, где государства обладают полной правосубъектностью, а международные организации могут обладать ею в разной степени.

Таким образом, большинство аргументов в пользу правосубъектности роботов далеки от совершенства, поскольку они одновременно слишком просты и слишком сложны и весьма дифференцированы. Они весьма максимально просты в том смысле, что системы искусственного интеллекта существуют в спектре размыто. До сих пор не существует значимой категории, которую можно было бы определить для такого признания. Полагаю, что если бы инструментальные причины требовали признания в конкретных случаях, то оно могло бы быть достигнуто с использованием существующих правовых форм. Аргументы слишком сложны в том смысле, что многие из них являются вариациями заблуждения, основанными на невысказанных предположениях о будущем развитии киберсистем, наделение которых правосубъектностью подобной как у физических лиц было бы полезно и заслужено. По крайней мере, в обозримом будущем лучшим решением будет полагаться на существующие категории, при этом ответственность за правонарушения будет возложена на пользователей, владельцев или производителей, а не на самих роботов. Владельцы беспилотников следуют по этому пути, например, с вероятным переходом от страхования водителей к страхованию транспортных средств можно успешно решить вопрос с возмещением вреда в ситуации наступления страхового случая по вине роботизированного

¹³ Liability for Artificial Intelligence and Other Emerging Digital Technologies (EU Expert Group on Liability and New Technologies, 2019). Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1c5e30be-1197-11ea-8c1f-01aa75ed71a1> (accessed: 16.07.2022).

автомобиля¹⁴. Вполне возможно, что однажды могут появиться синтетические бездушные субстанции, сравнимые по моральной ценности с людьми. Неспособность признать эту ценность может показать, что мы готовы интерпретировать разумы других типов существ, или просто предубеждены против тех, кто отличается от нас. Если это произойдет, как предположил А. Тьюринг в 1951 г., «представляется вероятным, что, как только метод машинного мышления заработает, не потребуется много времени, чтобы превзойти наши слабые возможности» (Turing, 1950).

Жизнь — это открытая система, она беспорядочна и непредсказуема, первоочередной задачей, запрограммированной живым человеком в роботов с искусственным интеллектом, является отключение выключателя, который может их запускать. Тем не менее, большинство из них в конечном счете неспособны примирить свою врожденную искусственную сущность с реалиями окружающего живого мира.

Заключение

Искусственный интеллект интенсивно порождает и активизирует новые вызовы, сопряженные со сложно предварительно прогнозируемыми просчетами и рисками. В свою очередь, многообразная поливариантность создает беспрецедентное множество неопределенностей и пробелов в правовом поле. В этой связи правовое регулирование в сфере регламентации искусственного разума не просто не поспевает, а на сегодняшний момент уже весьма отстает от робототехники и инновационных компьютерных технологий, развивающихся сверхинтенсивными темпами.

Массовая роботизация и искусственный разум давно заняли главенствующее, центральное место в реалиях нашей действительности. Однако юрист с живым интеллектом, как профессионал, не утратит своей актуальности и востребованности в будущем в связи с роботизацией. Зачастую толкование права и применение сопровождаются прикладыванием творческих усилий, более того не является логичным восприятие права исключительно с позиции позитивистских воззрений и истоков. Кроме того, общество регулярно в нормах права сталкивается с нравственно-этическими категориями, однако искусственный разум робота на данном этапе инновационных прорывов бессилён, также отсутствует обладание инструментами для оценивания уровня справедливости и добросовестности, свойственными только человеку и недоступными априори искусственному разуму робота. В этой связи не является обоснованной и справедливой позиция о необходимости признания того факта, что правовое регулирование может стать лишь прерогативой роботов абсолютно повсеместно, исключая антропогенный фактор. Глобальные научно-технические и инновационные преобразования привели к появлению значимых факторов и размыванию дисциплинарных и отраслевых границ. Законодательное закрепление правового

¹⁴ Сазонова М. Беспилотные автомобили: как планируется регулировать их эксплуатацию в России? 2 июля 2021. Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1471258/?ysclid=145eufj0ge578103835> (дата обращения: 18.08.2022).

регламентирования эксплуатации объектов искусственного разума должно охватывать, как публично-правовые, так и частно-правовые нормативные акты в контексте существующих отраслей. В этой связи наиболее целесообразно усовершенствование, в первую приоритетную очередь, административного права, внося соответствующие новые статьи в отечественный кодекс об административных правонарушениях.

Выше были изложены результаты аналитического, кросс-национального (компаративистского) исследования вопросов установления общих положений об уголовной ответственности за деяния преступного характера, совершенные по причине технических сбоях роботов с искусственным разумом (интеллектом). Выявленные в ходе исследования проблемы, связанные с интерпретацией правосубъектности *artificial intelligence* (электронного лица) в контексте правового поля, подтвердило актуальность необходимости формирования правового инструментария, направленного на устранение сложностей, которые возникают при проведении: оценивания, экспертиз и локализаций их юридически значимого поведения и скорости реагирования на изменения в окружающей реальности.

Проведен сравнительный анализ правового регулирования искусственного разума в зарубежных государствах по итогам которого представлен обзор подходов правительств зарубежных стран, корпораций и других субъектов к теме законодательного регламентирования искусственного интеллекта в: Япония, Эквадор, Индия, Германия, Саудовская Аравия, США, Новая Зеландия.

Сложнейшие новые и очень быстро возникающие техногенные вызовы и роботизация современности, такие, как цифровая трансформация и усложнение гетерогенности и энтропийности интернет-пространства и модернизация юнитов искусственного разума сверхбыстрыми темпами, отражаются на состоянии и развитии российского законодательства, вызывая необходимость в его модернизации и разработке законодательных новелл.

References / Список литературы

- Bayern, Sh.J. (2015) The Implications of Modern Business-Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems. *Stanford Technology Law Review*. 19(93), 93—112.
- Coase, R.H. (1937) The Nature of the Firm. *Economica*. 4(16), 386—405. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x>
- Comin, M. (2015) John Dewey and the Welfare state: towards the history of the development of American democracy. *Logos*. 25 (6), 152—161. (in Russian).
Комин М. Джон Дьюи и социальное государство: к истории развития американской демократии // Логос. 2015. Т. 25. № 6. С. 152—161.
- David, K. (2003) *Piercing the Corporate Veil, Financial Responsibility, and the Limits of Limited Liability*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=451520> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.451520> [Accessed 30th August 2022].
- Gabov, A.V. & Khavanova, I.A. (2018) Evolution of robots and the 21st-century law. *Tomsk State University Journal*. (435), 215—233. <https://doi.org/10.17223/15617793/435/28> (in Russian).
Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215—233. https://doi.org/10.17223/15617793/435/28

- Gadzhiev, G.A. & Voynikas, E.A. (2018) Can a robot be a subject of law? (search for legal forms to regulate the digital economy). *Law: Journal of the Higher School of Economics*. (4), 24—48. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48> (in Russian).
Гаджиев Г.А., Войникас Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право: журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24—48. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
- Iwai, K. (1999) Persons, Things and Corporations: The Corporate Personality Controversy and Comparative Corporate Governance (June 1997). *American Journal of Comparative Law*. 47 (4), 583—632.
- Lvov, D.S., Grebennikov, V.G. & Yerznkyan, B.H. (2000) Institutional analysis of corporate form of enterprise. *Economics of contemporary Russia*. (3—4), 5—21. (in Russian).
Львов Д.С., Гребенников В.Г., Ерзнкян Б.А. Институциональный анализ корпоративной формы предприятия // Экономическая наука современной России. 2000. № 3—4. С. 5—21.
- Naffine, N. (2003) Who are Law's Persons? From Cheshire Cats to Responsible Subjects. *Modern Law Review*. (66), 346—367.
- Peter, A. (1979) The Corporation as a Moral Person. *American Philosophical Quarterly*. 16(3), 207-215.
- Rasaeva, Kh.A. (2019) Institute of rehabilitation in criminal proceedings. Issues of application. *RGGU Bulletin. Economics. Management. Law Series*. (1), 122—134. (in Russian).
Расаева Х.А. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 1. С. 122—134. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-1-122-134>
- Solum, L.B. (1992) Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*. 70 (4), 1231—1287. Available at: <http://scholarship.law.unc.edu/nclr/vol70/iss4/4/> [Accessed 5 August 2022].
- Trainor, S.A. (1994) Comparative analysis of the corporation's right to self-incrimination. *Fordham International Law Journal*. 18(5), 2139-2186.
- Turing, A.M. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. 59(236), 433—460.
- Vasiliev, A.A. & Ibragimov, Zh.I. (2019) Legal regulation of robotics and artificial intelligence in the European Union. *Russian-Asian Legal Journal*. (1), 50—54. (in Russian).
Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в Европейском союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 50—54.
- Wallace, R.S. (2009) The Anatomy of ALICE. In: Epstein, R., Roberts, G., Beber, G. (eds.). *Parsing the Turing Test*. Springer, Dordrecht. pp. 181—210. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6710-5_13
- Ying, H. (2019) Robot Criminal. *University of Michigan Law Reform Journal*. (52), 487—531. <https://doi.org/10.36646/mjlr.52.2.robot>

Сведения об авторе:

Мусина Камилла Салаватовна — аспирант кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
e-mail: camillamusina2015@mail.ru

About the author:

Kamilla S. Musina — post-graduate student of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
e-mail: camillamusina2015@mail.ru